

Ради этого Германия, уже ставшая сильной империя, разумеется, не желала мириться с тем, что ее кто-то обижает, и 2 июля германский кайзер Вильгельм II отдал приказ отправить войска в Китай. Обращаясь к солдатам, отправлявшимся в поход, он заявил:

— Вы знаете, что вам предстоит столкнуться с хитрым, храбрым, хорошо вооруженным и жестоким врагом. Если вы встретите его, помните: не проявляйте к нему жалости, не берите пленных. Сражайтесь храбро, чтобы китайцы даже через тысячу лет не смели и косо смотреть на немцев.

По сравнению с высокомерными англичанами и заносчивыми русскими Кук знал о стоящих перед ним цинских войсках гораздо больше. Причина была проста: он в прошлом служил инструктором в этой самой цинской армии.

После поражения в войне с Японией потрясенное цинское правительство тоже попыталось начать обучение войск по западным образцам, и среди них эта Армия Уи Не Шичэна перенимала именно германские методы военной подготовки.

Основываясь на понимании такого противника, как Не Шичэн, Кук посоветовал Алексееву не спешить вести своих солдат на помощь Сеймуру. По его мнению, раз цинская армия смогла предпринять ночную атаку, значит, она действовала отнюдь не силами какого-то мелкого отряда. Помимо британского лагеря, не исключено, что перед их собственным лагерем затаилась куда более крупная армия, ожидая момента, когда добыча охватит паника.

Возможно, из-за уважения к педантичности немцев или из зависти к Сеймуру, командовавшему коалиционными силами, Алексеев последовал совету Кука и не стал предпринимать опрометчивых шагов. Именно эта его осмотрительность заставила Сеймура поневоле стать пленником Лэй Чжэня. Нетрудно домыслить, какое сильнейшее разочарование испытает Алексеев, когда после этого боя узнает, что данная вылазка была лишь импровизацией фронтового командира цинских войск.

Хотя русское подкрепление запоздало, оно все же добилося значительных результатов. Несколько опьяненных бойней цинских солдат забыли приказ вовремя остановиться и с восторгом устремились за индусами в российский лагерь, однако там их ждал безжалостный плотный огонь.

Шквал пулеметного и ружейного огня царской армии, подобный бушующему ветру, уничтожил любое сопротивление. Более сотни бесстрашных цинских воинов пали перед линией наступавших, что вызвало у Лэй Чжэня жгучую боль в сердце.

Он не мог изменить подобный исход. Радостная весть об успешном разгроме англичан вскружила головы командирам, томившимся в бездействии столько дней. В этот момент они забыли об опасности, забыли, что должны подчиняться Лэй Чжэню как временному командующему.

Узнав от цинских пленников о том, что Сеймур, судя по всему, захвачен в плен, Алексеев поспешил обсудить это с подошедшим с подкреплением японским генералом Фукусимой. Они

вдвоем решили объединить силы и предпринять ночную атаку на позиции цинских войск, располагавшиеся фронтально. Главной целью этого налета было воспользоваться рассредоточением сил противника, единым ударом захватить Балитай, который долго не удавалось взять штурмом, и тем самым освободить плененного Сеймура.

Грохот артиллерии и взрывы поднимали тучи дыма, пожары полыхали повсюду.

Ранним утром 4 июля простые жители Тяньцзиня провели бессонную ночь. Им было видно, как в стороне железнодорожной станции Балитай вспыхивали одна за другой вспышки пламени, окрашивая половину неба в кроваво-красный цвет.

Атака русско-японских сил была яростной. Среди всех участников коалиции солдаты этих двух стран составляли большинство по численности, а по упорству в бою те элегантные англичане, американцы и французы совершенно не шли ни в какое сравнение со свирепыми русскими и японскими войсками.

В тот момент воевавшие плечом к плечу армии едва ли предполагали, что пройдет всего четыре года, и они обратятся друг против друга, устроив жестокую резню на этой благодатной восточной земле ради оспаривания гегемонии на Дальнем Востоке.

На рассвете небо все еще оставалось пасмурным. Если бы цинские войска не были готовы к нападению, этот контрудар русско-японских сил, несомненно, принес бы обильные плоды, но разве такое было возможно?

С той самой минуты, как Лэй Чжэнь во главе главных сил ворвался в английский лагерь, оставшиеся охранять траншеи цинские солдаты пребывали в состоянии крайнего возбуждения. Контратака! После стольких дней пассивного выдерживания ударов их сторона наконец-то перешла в контрнаступление. И пусть масштабы были невелики, для поднятия боевого духа этого хватало с избытком.

Фактически, если бы оставшиеся в тылу ротные офицеры не отдали суровый приказ пресекать любые попытки самоволия и не сдерживали подчиненных строгой воинской дисциплиной, эти возбужденные солдаты наверняка бросились бы наперегонки выпрыгивать из окопов, чтобы ринуться в охваченное огнем поле боя.

— Иностранные дьяволы лезут!

Кричащий во весь голос часовой разорвал тишину перед траншеями. Еще до того, как русско-японские войска приблизились к цинским позициям на расстояние трехсот метров, они были обнаружены дозорным.

В результате дерзкая вылазка против воли превратилась в лобовой штурм.

Хотя союзники обладали огромным преимуществом в численности, воодушевленные победой основного отряда оставшиеся бойцы цинской армии сражались с удесятеренной силой, словно наглотавшись опиума. Пусть их насчитывалось всего около сотни человек, каждый был вооружен парой ружей, а нехватка боеприпасов при таком сосредоточенном их использовании до определенной степени сгладилась.

После того как три атаки подряд захлебнулись, Алексеев и Фукусима приняли решение отказаться от этого бессмысленного лобового штурма. Жизнь и смерть какого-то англичанина не стоили того, чтобы храбрые солдаты Великой Российской империи и Великой Японской империи жертвовали ради него своими жизнями, даже если этот человек был главнокомандующим коалиции.

В этом заключалась слабость коалиционных сил.

Интересы государства всегда стояли на первом месте, и только при этом условии сотрудничество было возможно. Именно на это и сделал ставку Лэй Чжэнь, когда решился атаковать британский лагерь.

Повышение в должности на передовой

Блестящая победа!

Первый пехотный батальон совершил ночной налет на лагерь англичан и захватил главнокомандующего коалиции Сеймура!

Когда эта новость долетела до главных позиций в Балитае, у Не Шичэна, чьи глаза были испещрены красными прожилками, едва хватило веры собственным ушам.

— Повтори еще раз!

— Генерал, донесение с передовой: сегодняшним ранним утром наши войска перешли в контрнаступление и захватили главнокомандующего коалицией, британца Сеймура! — командир батальона Сун Чжаньбяо орал во всю мочь.

Эта новость оказалась поистине невероятной!

Заблаговременно цинское командование не ставило перед бойцами передовой задачи совершить ночной налет, и потому Не Шичэн со свитой военных наставников были совершенно не готовы к столь неожиданной вылазке. Подобные контратаки, шедшие вразрез с обычной обстановкой на поле боя, в военных сводках XIX века встречались крайне редко.

С какой стороны ни посмотри, вылазка Лэй Чжэня была рискованным шагом, вероятность провала которого превышала восемьдесят процентов. Однако только что пришедшее победное

донесение наотмашь опровергало столь консервативную точку зрения.

Перед лицом свершившегося факта любые рассуждения о вероятности оказались до смешного несостоятельными.

— Кто командовал этим дерзким налетом на передовой? Какой именно офицер? Я намерен доложить об этом Двору и ходатайствовать о всеобщем поощрении! — громко потребовал ответа Не Шичэн.

Пленение Сеймура в один миг смыло угнетенное настроение последних нескольких дней, царившее среди цинских войск, и мощно подняло боевой дух всех участвовавших в боях подразделений на передовой. Вместе с тем это позволяло начисто смыть навязанное ему обвинение в изучении западных методов ведения войны и тайных сношениях с иностранцами. Перед лицом железных фактов, надо полагать, как бы ни изощрялся Цзай И со своими сообщниками в попытках скрыть правду от Двора, они не смогут преуменьшить заслуги самого Не Шичэна.

К тому же возле Старой Будды находился князь Жун, способный вести закулисные маневры от его имени. Выходки же Цзай И были хороши лишь для временных прыжков и кривляний, но удержать монополию на власть надолго у него не было ни единого шанса!

— Докладываю генералу: это командир отделения Лэй Чжэнь, — громко отрапортовал Сун Чжаньбяо.

Он радовался этой неожиданной победе даже сильнее, чем Не Шичэн. С тех пор как под Мотяньлином были разбиты маленькие японские черти, он уже давно не испытывал радости от полноценной бойни. И хотя на этот раз из-за необходимости обеспечивать личную безопасность командующего ему не довелось лично побывать на передовой, победа братского подразделения доставляла ему точно такое же удовольствие.

— Лэй Чжэнь? Тот самый вчерашний малый, что смущал умы своими бредовыми речами? — на лице Не Шичэна промелькнуло удивление. Вчера он отдал приказ отправить болтливого дезертира-командира отделения на передовую вовсе не в надежде на то, что тот преподнесет какой-то сюрприз. В тот момент им двигало лишь солдатское понимание того, что встречать смерть следует на поле боя, и он хотел дать человеку, которого следовало казнить как труса, шанс умереть с честью.

— Он самый, генерал. Парень неплох! Сходу умудрился притащить пленного главкома. По-моему, должности командира отделения для него теперь мало, его следует повысить до комбата, — испытующе предложил Сун Чжаньбяо.

Он прекрасно помнил, как вчера Лэй Чжэнь костерил на чем свет стоит всю эту знать во главе с Цзай И, заседающую при Дворе. Тогда настроение самого Сун Чжаньбяо поднялось до предела.

Экий молодец этот паренек, прямо по мне!

— Ладно, командир Сун, съезди-ка туда, доставь этого Сеймура сюда. И заодно объяви на передовой мой приказ: произвести Лэй Чжэня в батальонные наставники. Передай ему, чтобы старался изо всех сил и не позволял заморским дьяволам смотреть на китайцев свысока, — немного подумав, отдал распоряжение Не Шичэн.

Обычный пехотный батальон Предивой армии Увэй состоял из одного комбата, одного помощника комбата и одного батальонного наставника. В подчинении батальона находились четыре роты: левая, правая, передняя и задняя, в каждой из которых числилось по одному старшему и младшему офицеру роты. Рота делилась на три взвода, в каждом из которых полагался один взводный командир, под началом которого находились три отделения; в каждом отделении состоял один командир отделения и двенадцать рядовых. Кроме того, в штате самого батальона состояли: один горнист-барабанщик, десять горнистов, один старший патрульный и двадцать рядовых патрульных. Итого в батальоне насчитывалось двадцать три офицера и пятьдесят рядовых солдат. Помимо этого, в штат входили по два писца, лекаря, уполномоченных чиновника и счетовода, а также сто восемьдесят чернорабочих, распределенных по батальону для выполнения поручений или пополнения рядов храбрецов.

Должность командира батальона была высшим командным постом для руководства личным составом целого подразделения, и присвоение званий выше этого уровня требовало утверждения в министерстве военных дел профильным ведомством. Хотя эта процедура состояла из множества формальностей, определенные рамки все же существовали, тогда как на должность батальонного наставника подобных ограничений не налагалось.

Теперь, в разгар ожесточенных боев, на передовой остро не хватало офицеров. И хотя в мирное время батальонный наставник обладал весьма ограниченными полномочиями, в военное время его значимость проявлялась во всей полноте.

В результате многодневных ожесточенных боев два батальона армии Не Шичэна, стоявших на самом переднем краю, понесли тяжелейшие потери. Убыль командного состава достигала девяноста процентов, и если Лэй Чжэню посчастливится уцелеть, можно было не сомневаться, что вскоре он совершенно естественным образом станет фактическим фронтовым командиром батальонного уровня.

Быть может, этот паренек, так вольно рассуждающий о государственных делах, еще преподнесет им неожиданный сюрприз?

Рассвело, небо на востоке подернулось бледной утренней белизной.

Перед позициями, где больше половины ночи гремел бой, воцарилось редкое затишье. Лишившись Сеймура, силы коалиции погрузились в состояние безвластия: хотя генерал Алексеев был весьма уверен в своей готовности перенять пост главнокомандующего, генералы из других стран вовсе не горели желанием признавать его авторитет.

Об англичанах и говорить нечего. Что же до японцев, то для них русские были главными противниками на будущих дальневосточных фронтах, и позволить русским занять кресло главного в коалиции означало несомненно склонить чашу весов будущей борьбы за гегемонию в пользу России, чего те допустить никак не могли. Точно так же для США, Франции, Италии, Австрии и других государств северный медведь, питавший огромные аппетиты к китайским территориям, представлял собой угрозу, за которой следовало следить самым пристальным образом, пресекая при необходимости любые попытки его экспансии.

Со стороны коалиции не наблюдалось никаких движений, а оказавшиеся в слабом положении цинские войска тем более не собирались первыми нарываться на неприятности. Обладая крайне скудным арсеналом и недостаточным количеством личного состава, цинские части не имели возможности проводить дневные контратаки. Пережив ночную мясорубку, в которой погибло больше сотни человек, передовые подразделения уже начали испытывать истощение людских ресурсов.

Поэтому, когда Сун Чжаньбяо передал Лэй Чжэню приказ о его повышении до батальонного наставника, на лице Лэй Чжэня не отразилось и тени радости. Рано утром он уже провел оценку расстановки сил на передовой линии цинских позиций, и результаты повергли его в глубочайшее уныние.

В батальоне, защищавшем передовые позиции в Балитае, первоначально числилось более шестисот человек; после череды ожесточенных сражений на позициях оставалось менее двух сотен боеспособных солдат, причем в это число входили даже привлеченные к обороне писари, лекари и счетоводы. Иными словами, эта армия оказалась полностью разбита и истощена. Без серьезных подкреплений коалиция могла прорвать этот рубеж обороны всего за три-четыре атаки.

— Командир Сун, умоляю, передайте генералу: подкрепление, срочно пришлите подкрепление! — осознавая всю жестокость и кровавость обстановки на поле боя, во весь голос кричал Лэй Чжэню Сун Чжаньбяо, уводившего Сеймура обратно в Балитай.

Придут ли подкрепления? Найдется ли вообще кто-то, кто сможет прийти им на помощь?

На самом деле Лэй Чжэнь не был уверен в этом ни на йоту. Он прекрасно знал, что общая численность войск в распоряжении самого Не Шичэна едва достигала пяти с половиной тысяч человек. Если отнять соединения, задействованные в штурме Восточного арсенала и охране тыловых позиций, резерв у него оставался до смешного мизерным.

Битва на два фронта

Затишье на поле боя продлилось ровно три дня, и для изнуренных тяжелыми боями цинских солдат эти драгоценные три дня были поистине бесценны.

Получив доклад от Сун Чжаньбяо и воочию убедившись в острой нехватке личного состава на передовой, Не Шичэн, доставляя Сеймура наместнику Чжили Юй Лу, вновь обратился к этому

колеблющемся между войной и миром сановнику с требованием о выделении подкреплений.

На сей раз, возможно, в знак благодарности за столь щедрый подарок, преподнесенный Не Шичэном, Юй Лу неожиданно дал согласие передать в подчинение Не Шичэна около пятисот человек из состава тяньцзиньских тренированных войск. Формально отряд тяньцзиньской выучки под командованием Хэ Чаншэна и без того подчинялся чжилийскому тидугу Не Шичэну, однако на практике, как силы охраны порядка, защищающие Тяньцзинь, они главным образом привлекались для охраны резиденции наместника и самого сановника Юй Лу.

Получив этот приказ Юй Лу, Не Шичэн проникся глубоким чувством признательности: он знал, что общая численность тяньцзиньских тренированных войск едва превышала тысячу человек, и то, что Юй Лу отдал половину из них, было пределом щедрости.

Впрочем, щедрость Юй Лу была лишь показухой, поскольку он уже получил известие о скором прибытии в Тяньцзинь шести батальонов Хуайской армии под командованием Мэй Дунъи. С появлением шести батальонов Хуайской армии в качестве сил обороны Тяньцзиня значимость тренированных войск естественным образом снизилась.

Пять сотен новобранцев были незамедлительно отправлены на передовую. Не Шичэн не оставил себе ни единого человека: будучи опытным военачальником, прошедшим множество битв, он понимал лучше кого бы то ни было, чем обернется прорыв фронта.

Хотя с прибытием пятисот свежих бойцов бреши в окопах удалось закрыть, беспокойство Лэй Чжэня не исчезло. Из-за падения Восточного арсенала два дня назад коалиция получила возможность перебрасывать свежие подкрепления от Даку прямо в концессию Цзычжулинь, а отряды Ихэтуаня, на которых возлагалась обязанность перерезать коммуникации противника, со своей задачей совершенно не справились.

Эти мракобесы, умевшие лишь пить священную воду, читать заговоры и мутить воду среди простого народа, были мастерами разжигания внутренних смут. Как выяснилось в ходе расследований последних дней, причина, по которой артиллерия умолкла 3 июля, заключалась в том, что в тот день на их позиции напали сами ихэтуанейцы, из-за чего артиллерийский огонь, должный поддержать передовую, так и не был открыт.

Более того, многие ихэтуанейцы при одном звуке выстрелов дружно бросались наутек. Наместник Юй Лу несколько раз отдавал приказы главарю боксеров Чжан Дэчэну повести войска в наступление, однако тот неизменно отговаривался тем, что время еще не пришло.

В конце концов, поняв, что дальше уклоняться некуда, 8 июня, воспользовавшись дождливой погодой, Чжан Дэчэн выступил в поход во главе группы доверенных учеников. Чтобы поддержать эту атаку боксеров, Юй Лу заставил Хэ Чаншэна выделить им в помощь три пушки. Едва они прибыли в концессию Цзычжулинь, как оттуда выбежали трое иностранцев и, вскинув ружья, прицелились в толпу ихэтуанейцев.

Грянул выстрел, сразивший юного последователя культа, шедшего впереди с криками о своей

неуязвимости к клинкам и пулям. Увидев кровь, брызнувшую из ран товарища, эти верующие, состоявшие из простых крестьян, немедленно бросились врассыпную, на бегу крича друг другу:

— Иностранцы колдовство пустили в ход, бегите скорее, а то живыми не останетесь!

Поделаться с этим старшим братом Чжан Дэчэном было ничего нельзя. На боксеров надежды не оставалось, и единственными союзниками, способными оказать поддержку главным позициям в Балитае, оставались лишь две армии — Ма Юйкуня и Сун Цина, чье положение, впрочем, тоже было незавидным. После нескольких дней ожесточенных боев отряд Ма Юйкуня отбил захваченный японскими и русскими войсками Восточный вокзал, но собственные потери превысили тысячу человек, а армия Сун Цина все еще вела позиционные бои против американского подразделения у Западных ворот.

Спустя три дня обстановка на поле боя круто изменилась.

Коалиционные силы назначили нового командующего — британца Гасли. Этот генерал определенно лучше своего предшественника из военно-морского флота умел приспосабливаться к условиям сухопутной войны.

Под его началом выдвинувшийся на фланг и в тыл главных позиций в Балитае отряд японских войск численностью около пятисот человек смял преградивших им путь ихэтуанейцев и начал давить на позиции центральных сил Не Шичэна. Этот японский отряд должен был прибыть в тыл Балитая еще два дня назад и завершить операцию по обходу, но застрял из-за неожиданного инцидента с пленением Сеймура.

Помимо угрозы с фланга и тыла, на фронте штурмовые отряды японских и русско-союзных войск также усилили натиск на цинские позиции. На сей раз они отказались от прежнего старомодного построения тремя шеренгами в пользу передовой тактики рассыпного строя, и это изменение мгновенно сделало положение цинской обороны критическим.

В артиллерийской дуэли вражеские пушки уничтожали цинские огневые точки одну за другой, из-за чего Лэй Чжэню приходилось применять тактику массированного ружейного огня, чтобы сдерживать приближающегося врага. Однако при таком раскладе проблема нехватки боеприпасов встала еще острее.

К утру 9 июля бойцы армии Не Шичэна в Балитае оказались в полном окружении и под ударами с фронта и тыла, и их положение становилось всё более отчаянным.

— Эх, в одиночку все равно не переломить неблагоприятный ход событий! — обреченно вздохнул Лэй Чжэнь, глядя на поблекшее небо. Согласно историческим хроникам, именно на этот день приходилась гибель генерала Не Шичэна в Балитае.

Небо было мутным и тусклым, унылый ветер заунывно завывал вокруг.

Столкнувшись с угрозой с тыла и фронта, Лэй Чжэнь не знал, о чем думал в эту минуту Не Шичэн. Быть может, его душа тоже была охвачена леденящей тоской.

Что же до самого Лэй Чжэня, то с того самого момента, как он обнаружил, что перенесся на поле боя под Балитаем более чем столетней давности, он был потрясен открывшейся перед ним суровой реальностью до глубины души.

В школьных учебниках боксеров-ихэтуаней превозносили до небес, но на деле они оказались лишь сборищем сбродного отребья, воображавшего, будто глотнув дурацкой священной воды и выкрикивая лозунги о неуязвимости для клинков и пуль, можно одолеть иностранцев. Какая нелепость!

Совсем другое дело — цинские войска. Они действительно вели ожесточенные, кровопролитные бои с интервентами. Но когда армия страны сражалась насмерть ради защиты государства, у нее за спиной эти темные фанатики-ихэтуанейцы усердно наносили удары в спину. До чего же это горько! И еще больнее сознавать, что подобное поведение, радовавшее лишь врагов и огорчавшее друзей, прикрывалось патриотическими лозунгами.

Патриотизм... Разве изгнание иностранцев и ненависть к ним — это патриотизм?

Разве слепое, бездумное разрушение железных дорог, телеграфа и всего того полезного, что принесли с собой иностранцы, — это патриотизм?

Конечно же, нет.

С точки зрения Лэй Чжэня, истинный патриотизм заключался вовсе не в пустых лозунгах и не в выкриках оскорблений в адрес заморских дьяволов. Настоящий патриот сражался с врагом мужественно, как подобает мужчине!

Сражавшиеся рядом с ним воины, павшие на поле боя до последней капли крови, были истинными патриотами. И пусть их имена не суждено было узнать потомкам, они заслуживали куда большего уважения, чем те толпы сброда, что горланили патриотические речевки.

Если бы не разрушенные ихэтуанейцами железные дороги, цинские подкрепления могли бы подойти к полю боя гораздо раньше, и у этих сражавшихся на передовой солдат появился бы шанс перевести дух и уцелеть.

Увы, все это оставалось лишь предположениями.

Непобедимый бог войны — это я

9 июля, пять часов утра.

Когда на позициях в Балитае Не Шичэн вместе с двумя батальонами личной охраны вел ожесточенный бой с обходящими силами японцев, на противоположном берегу Малого Тунхэ, с прибытием свежих сил численностью в тысячу японских солдат, только что сошедших на берег в Даку, началось новое наступление объединенных сил семи держав.

<http://bllate.org/book/21116/2142716>